

НЕПОЛНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ¹

Д.М. Шипка

Аризонский государственный университет, США; danko.sipka@asu.edu

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются типы неполной эквивалентности и их представление в двуязычном словаре. Самой сложной проблемой координации единиц исходного и переводящего языков является несоответствие лексических систем, иначе говоря, анизоморфизм языков. Полная лексическая эквивалентность встречается редко и, как правило, в терминологии. В большинстве остальных случаев имеет место лексический анизоморфизм, нуждающийся в лексикографической обработке. В рамках лексического анизоморфизма следует различать лексикологический анизоморфизм и лексикографический. Первый тип распространен гораздо шире и полностью включает второй тип. Лексикологический анизоморфизм присутствует в тех случаях, когда эквиваленты демонстрируют некоторые различия, о лексикографическом же анизоморфизме мы говорим только тогда, когда эта разница становится релевантной с лексикографической точки зрения. Если исключить редкие случаи полной лексической эквивалентности, которые не представляют проблемы при лексикографической презентации материала, самым простым способом классификации неполной эквивалентности является количество эквивалентов в переводящем языке. Если в переводящем языке отсутствует эквивалент заглавного слова исходного языка, тогда мы говорим о нулевой эквивалентности. Второй тип неполной эквивалентности встречается в ситуации, когда слову исходного языка соответствуют два или больше эквивалентов переводящего языка. Третий тип неполной эквивалентности находим там, где существует эквивалентность «один к одному», но эквиваленты демонстрируют какие-то существенные различия. Нулевая или частичная эквивалентность могут быть частью многократной эквивалентности (например, английское *a(n)* имеет различные эквиваленты в русском языке, одним из которых является нулевой). Существуют также случаи чистой многократной эквивалентности, не включающие другие типы эквивалентности. Можно различать следующие типы многократной эквивалентности, основанной на частичной: коннотативная, аппликационная, организационная, синтагматическая, частотная, реляционная, образная. Между тремя типами лексического анизоморфизма и их лексикографической обработкой есть прямая связь. В случае нулевой эквивалентности исходное слово приходится толковать, при многократной эквивалентности — приводить несколько эк-

¹ Автор выражает свою благодарность Е.И. Якушкиной за языковую корректуру текста.



вивалентов, а при частичной — указывать на различия. Между подтипами многократной эквивалентности и лексикографической обработкой такой прямой связи нет. Однако можно заметить следующие тенденции: экземплификация часто встречается при обработке функциональных слов, контекстуализация — при обработке аппликационных расколов, контекстуализация — при обработке коннотативных расколов.

Ключевые слова: лексический анизоморфизм; двуязычный словарь; лексическая эквивалентность; полная эквивалентность; нулевая эквивалентность; многократная эквивалентность; частичная эквивалентность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-5

Для цитирования: Шипка Д.М. Неполная эквивалентность в двуязычном словаре // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 54–66.

EQUIVALENCE AND LEXICAL ANISOMORPHISM IN BILINGUAL DICTIONARIES

D.M. Šipka

Arizona State University, USA; danko.sipka@asu.edu

Abstract: The present paper addresses types of lexical anisomorphism and its treatment in bilingual dictionaries. The most difficult problem in coordinating the source language lexical units with those of the target language is linguistic anisomorphism. Full equivalence is a rare occurrence, found as a rule in terminologies. A vast majority of other cases includes lexical anisomorphism, which requires lexicographic treatment. One should differentiate between lexicological and lexicographic anisomorphism. The former type is much broader and it fully encompasses the latter type. Lexicological anisomorphism is found in the cases where equivalents exhibit differences of any kind. Lexicographic anisomorphism involves only those cases where the difference is relevant in lexicographic treatment. If we exclude rare cases of full equivalence, which do not constitute a problem in lexicographic treatment, the simplest way to classify lexical anisomorphism is to count the number of equivalents in the target language. If no equivalents exist, that is zero equivalence. The second type is multiple equivalence, where the target language has two or more equivalents. Finally, the third type is partial equivalence, where there is one equivalent in the target language, but there are some relevant differences between it and the source language headword. Multiple equivalence can include zero and partial equivalence. There are also cases of pure multiple equivalence. The following types of multiple equivalence based on partial equivalence can be differentiated: connotation, application, organization, syntagmatic, frequency, network, and image. There is a direct connection between the three main types of lexical equivalence and their lexicographic treatment. Zero equivalence should be explained, multiple equivalents should be separated, and with partial equivalents, one should alert the user to the difference. There is no such direct link between subtypes of multiple equivalence and their treatment. However, there are some tendencies: exemplification is common with operators, co-textualization is common in the treatment of application splits, and contextualization is common in the treatment of connotation splits.

Keywords: lexical anisomorphism; bilingual dictionary; lexical equivalence; full equivalence, zero equivalence; multiple equivalence; partial equivalence

For citation: Šipka D.M. (2024) Equivalence and Lexical Anisomorphism in Bilingual Dictionaries. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2024, no. 1, pp. 54–66.

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются типы неполной эквивалентности и их представление в двуязычном словаре. В «Пособии по лексикографии», написанном полвека тому назад, но не утратившем актуальность и в наше время, Ладислав Згуста утверждает: “The basic purpose of a bilingual dictionary is to coordinate with the lexical units of one language those lexical units of another language which are equivalent in their lexical meaning” («Главной целью двуязычного словаря является координация лексических единиц одного языка с теми единицами другого, которые им соответствуют по лексическому значению») [Zgusta 1971: 294], — и далее: “The bilingual lexicographer’s most important duty is to find in the target language such lexical units as equivalent to the lexical units of the source language and to coordinate the two sets” («Важнейшей задачей двуязычного лексикографа является обнаружение в переводящем языке лексических единиц, являющиеся эквивалентами единиц исходного языка, и координация вышеупомянутых единиц») [Zgusta 1971: 312].

Самой сложной проблемой координации единиц исходного и переводящего языков является несоответствие лексических систем, иначе говоря, анизоморфизм языков. Згуста подчеркивает комплексный и всеобъемлющий характер лексического анизоморфизма: “...The anisomorphism of languages, ... the differences in the organization of designate in the individual languages and by other differences between languages. What leaps most to the attention of even the average layman are the cases of the so-called culture-bound words. [...] It would, however, be completely wrong to limit the concept of anisomorphism and the discussion of it to the “culture-bound words” only. On the contrary, anisomorphism must be expected in all lexical units and can be found in most of them” («...Анизоморфизм языков... различия в организации десигната в конкретных языках и прочие различия между языками. Неспециалистам бросаются в глаза в первую очередь слова, связанные с культурой... Однако было бы совсем неправильно ограничивать понятие лексического анизоморфизма “словами, связанными с культурой”. Напротив, анизоморфизм следует ожидать во всех лексических единицах, и его можно найти в их большинстве») [Zgusta 1971: 294–296].

Полная лексическая эквивалентность встречается редко и, как правило, в терминологии. Например, *аппендицит* вполне соответствует английскому *appendicitis*. В большинстве остальных случаев имеет место лексический анизоморфизм, нуждающийся в лексикографической обработке. В рамках лексического анизоморфизма следует различать лексикологический анизоморфизм и лексикографический. Первый тип распространен гораздо шире и полностью включает второй тип. Лексикологический анизоморфизм присутствует в тех случаях, когда эквиваленты демонстрируют некоторые различия, о лексикографическом же анизоморфизме мы говорим только тогда, когда эта разница становится релевантной с лексикографической точки зрения. Например, русское *чайник* отличается от польского *czajnik* тем, что русское слово производное, а польское непроизводное (заимствованное из русского), но эта информация не является релевантной при определении эквивалентности и, следовательно, речь идет о лексикологическом анизоморфизме. Однако разница между русским *душа* и английским *soul* является релевантной с культурной точки зрения. Англоязычному пользователю необходимо сообщить информацию, что *душа* обладает особым значением в русской культуре и имеет словообразовательные связи и употребления, не свойственные англоязычным культурам (*душевный, душа моя!*). Таким образом, здесь мы имеем дело не только с лексикологическим, но и с лексикографическим анизоморфизмом.

Идея лексикографической обработки анизоморфизма, представленная мною в монографии «Лексический конфликт» [Šipka 2015], сходна со следующей контрольной структурой в программировании: `if (condition) {do}`, иначе говоря, если существует какое-то состояние, то нужно предпринять следующее действие. В случае лексикографии «состояние» подразумевает тип лексического анизоморфизма и параметры словаря, которые определяют особенности лексикографической обработки эквивалентности. В следующей части данной статьи рассматриваются типы лексического анизоморфизма как первая неотъемлемая часть состояния, определяющего лексикографическую обработку.

2. Типы лексической эквивалентности

Если исключить редкие случаи полной лексической эквивалентности, которые не представляют проблемы при лексикографической презентации материала, самым простым способом классификации неполной эквивалентности является количество эквивалентов в переводящем языке. Итак, если в переводящем языке отсутствует эквивалент заглавного слова исходного языка, тогда мы говорим о нулевой эквивалентности. Например, русское слово *тоска* или

сербское *слава* (день семейного или профессионального святого-защитника) остаются без эквивалента во многих языках. Второй тип неполной эквивалентности встречается в ситуации, когда слову исходного языка соответствуют два или больше эквивалентов переводящего языка. Такова ситуация с некоторыми частями тела: в русском языке имеется одно слово, а в английском два (*рука* — это *hand* и *arm*; *нога* — *foot* и *leg*; *палец* — *finger* и *toe*; *мозг* — *brain* и *spinal cord* и т. д.). Третий тип неполной эквивалентности находим в упомянутом примере *душа*, где существует эквивалентность «один к одному», но эквиваленты демонстрируют некоторые существенные различия (русское слово употребляется в таких словосочетаниях, как *кому-либо по душе*, *душа моя*, чего в английском языке нет).

Приведу результаты моего анализа типов эквивалентности в случайной выборке 10 % текста (отбор с помощью <http://www.random.org/integers/>) из следующих словарей:

1. Французско-английский и англо-французский [Cari, Black 2000].
2. Испанско-английский и англо-испанский [Marr et al. 2000].
3. Сербско-английский и англо-сербский [Šipka 2013a; Šipka 2013b].

Анализ показал следующее распределение типов эквивалентности (нулевой (0), многократной (М), частичной (Ч) и полной (П)):

Таблица 1

Типы эквивалентности в европейских словарях

1	0 #	0 %	М #	М %	Ч #	Ч %	П #	П %	Всего случаев	Всего страниц в словаре	Страниц выборки
Французско-английский	23	1 %	704	41 %	554	33 %	415	24 %	1696	577	58
Англо-французский	26	1 %	897	46 %	615	31 %	423	22 %	1961	641	64
2											
Испанско-английский	21	1 %	714	45 %	576	36 %	267	17 %	1578	533	53
Англо-испанский	11	1 %	989	51 %	618	32 %	337	17 %	1956	562	56
3											
Сербско-английский	29	2 %	771	42 %	611	33 %	436	24 %	1847	727	73
Англо-сербский	21	1 %	980	51 %	533	27 %	405	21 %	1938	1065	107

Таблица показывает, что самым распространенным типом эквивалентности является многократная. Анализ, проведенный мною на примере словарей языков коренного населения Австралии и английского языка, демонстрирует похожие цифры, с той разницей, что нулевая эквивалентность появляется гораздо чаще — на уровне частичной эквивалентности. Такое распределение ожидаемо, если принять во внимание межкультурные различия этих языков и английского языка [см. Šipka 2015: 142–145].

Многократная эквивалентность не только является самым распространенным типом лексического анизоморфизма, но и может включать в себя другие два типа. Например, явление многократной эквивалентности между английским неопределенным артиклем *a* и сербскими эквивалентами включает и нулевую эквивалентность (в большинстве случаев эквивалента не будет), и частичную (*jedan, neki*). В данной части работы мы представим типы многократной эквивалентности, типы же ее лексикографической обработки проанализируем в следующей. Более подробную информацию о всех типах эквивалентности можно найти в [Šipka 2015].

Многократная эквивалентность может включать в себя нулевую эквивалентность (как в вышеупомянутом примере неопределенного артикля) и/или частичную эквивалентность. То есть в случае если у слова исходного языка есть два или более эквивалентов в переводящем языке, они могут только частично выражать значение исходного слова, у которого в некоторых употреблениях эквивалента не будет. Есть также случаи чистой многократной эквивалентности, не включающие другие типы эквивалентности.

Можно различать следующие типы многократной эквивалентности, основанной на частичной: коннотативная, аппликационная, организационная, синтагматическая, частотная, сетевая, созерцательная. В этих случаях имеет место раскол между исходным словом и одним из эквивалентов на основе вышеупомянутых параметров (коннотативный раскол, аппликационный раскол и т. д.). Первый тип имеет место в тех случаях, когда коннотация исходного слова отличается от коннотации одного из эквивалентов переводящего языка. Например, в языке зулу есть стиль хлонифа, с помощью которого собеседнику воздается почесть, и английский глагол «жалеть» (*grieve*) соответствует двум зулусским эквивалентам — нейтральному (как и английский глагол) *jaba* и «почетному», стилистически высокому *gxaba* [см. Irvine 1992: 253]. Второй (аппликационный) тип иллюстрирует следующий англо-испанский пример, где сфера применения эквивалентов различается по признаку «человек» и «животное»: neck ... 1 n a (part of body) espalda f; (of animal) lomo m ... [Marr et al. 2000: 563]. Третий (организационный) тип находим

в случаях, когда один из эквивалентов отличается по структуре (например, состоит из двух слов по сравнению с одним словом в исходном языке): *computer* [...] n *kompjuter, elektroničko računalo* [Vujaš 2005: 171]. Синтагматический тип имеет место в тех случаях, когда контекст эквивалентов отличается от контекста исходного слова. Так, *судья* выступает и в правовом, и в спортивном контексте, но английское *judge* — только в правовом, а *referee* и *umpire* — в спортивном. Частотный тип имеет место, когда один из эквивалентов различается по частоте употребления, как в следующем дари-английском словаре, где второй эквивалент употребляется гораздо реже: *شحم* [*shahm*] *fat, suet* [Sayd 2009: 196]. Реляционный тип подразумевает те случаи, когда словообразовательные или ассоциативные связи одного из эквивалентов отличаются от соответствующих связей исходного слова. Например, английское слово *offside* 'офсайд' имеет два хорватских эквивалента: *ofsajd* и *zaleđe*, где второй эквивалент дословно обозначает «заспине» *za-* 'за-' + *leđ(a)* 'спин(а)' + *-e* 'ие' (существует словообразовательная связь между *zaleđe* и *leđa*). Образный тип имеет место в тех случаях, когда один из эквивалентов подразумевает ментальный образ, отличный от исходного слова, как в случае сексуального смысла в английском и сербском языках: *screw2 V* [...] 1. зашрафити [*drive in*] 2. опалити, креснути / вулгарно / [*fuck*] [Šipka 2013b: 863].

Чистый тип многократной эквивалентности (то есть не основанной на частичной) можно описать через следующие оппозиции:

Таблица 2

Типы чистой многократной эквивалентности



Первая оппозиция (функциональная) основана на эквивалентности между служебными и знаменательными словами. В рамках этой оппозиции в каждой функции исходного служебного слова или междометия возникает свой переводящий эквивалент, как в следующем сербско-английском примере:

бре, x <coll.> ① /emphasis/ {Што сам уморан, ~! I'm so tired!} [подчеркивание] ② wow /appreciation / {Како трче, ~! They are running so fast!} [удивление] ③ /bewilderment/ {Откуд сад то, ~? Yo, where did that come from?} [недоумение] ④ /defiance/ {Ти ћеш, ~, да ми кажеш? Who the hell are you to tell me what to do!} [неповиновение] ⑤ /challenge/ {Ајде, ~! Bring it on!} [вызов] ⑥ /order/ {Затвори, ~, та врата! Close that door, man!} [приказ] ③ **море** ~ you can't wrap your head around this [Šipka 2013a: 79].

Следующие две оппозиции включают многократную эквивалентность между знаменательными словами, основанную на сущностях и основанную на понятиях. Например, если перевести русское слово *адвокат* на британский английский, получаются два эквивалента: *barrister* (тип адвоката, представляющий аргументы на суде) и *solicitor* (адвокат, главным образом работающий с клиентами). Многократная эквивалентность возникает вследствие того, что в британской правовой системе есть две профессии адвоката, или, другими словами, два элемента сущности. Поэтому этот тип соотношения эквивалентов можно назвать сущностным.

Понятийную многократную эквивалентность, примером которой может послужить соотношение *рука* — *arm/hand*, можно, в свою очередь, разделить на «перекрывающую» и «разделяющую». Примером перекрывающего типа может послужить английское *folder* и немецкое *Mappe*, которые эквивалентны в части своих значений: *Mappe* — это *folder*, но находим и значения, в которых *folder* не будет переводиться как *Mappe*, но как *Ordner*, или *Verzeichnis* [см. König, Gast 2007: 222].

Разделяющий тип встречается в двух ситуациях — там, где многократная эквивалентность реализуется как часть какой-то шкалы (шкаловый тип), и там, где понятийное разделение не является частью шкалы (самостоятельный тип). [Aikhenvald 2001: 51] приводит следующий пример шкалового соотношения португальского языка и языка тарияна, в котором шкала деления дня гораздо подробнее:

- halíte ipéya 'antes de levantar o sol' (3–4 часа утра)
- haliá dí-nu, haliá di-wása 'a luz aparece' (5–6 часов утра)
- haliá dí-ñu dí-nu, haliá dí-sa dí-nu 'a luz vai para cima' (рассвет)
- haliá di-rúku dí-nu 'mais luz' (6–6.30 часов утра)
- haliá di-wása 'quase clareou' (6–7 часов утра)
- haliá di-swá 'clareou o dia' (7 часов утра)
- wadéna hékwa 'perto de quase meio dia' (10–11 часов дня)
- hékwa 'quase meio dia' (11 часов дня)
- hékwa máña 'meio dia' (полдень)
- hékwa di-kapúku-ka 'virou o dia' (1–2 часов дня)
- hékwa í-pumi 'tarde' (até 1–2 часов дня)

khépiri pamúña máña kéri di-éru diá-ka 'o sol está em cima do barranco;
 três horas' (3 часа дня)
 dékina, dáiki 'tarde' (3 часа дня)
 dáinu di-á 'parte clara do dia' (6–7 horas) (6–7 часов вечера)
 kéri depitá dhé 'por do sol' (закат)
 kádawa di-whá di-swá 'começa a escurecer' (7 horas) (7 часов вечера)
 dékina wíka 'boca da noite (сумерки) (8–10 horas)' (8–10 часов ночи)
 dépitá 'boca da noite' (сумерки)
 dépi 'noite, parte escura' (ночь, темнота)
 dépi pamúña 'meia noite' (полночь)

Самостоятельный тип представлен в паре английский язык — язык шипибо, где английским терминам родства соответствует два термина шипибо. Например, «тетя» (*aunt*) будет *koka*, если речь идет о тети женщины, и *era*, если это тетя мужчины [см. Read 2001: 257].

В следующей части этой работы мы займемся лексикографической обработкой лексического анизоморфизма.

3. Лексикографическое представление лексического анизоморфизма

Сразу заметим, что мы занимаемся эквивалентностью с точки зрения анизоморфизма, хотя в принципе лексическая эквивалентность — гораздо более широкое явление, о чем см. [Adamska-Salaciak 2010].

Независимо от того, каковы параметры словаря, работу над ним непосредственно определяют три основных типа анизоморфизма. В случае нулевой эквивалентности лексикографу приходится объяснить сущность или понятие без эквивалента. Самым частым способом является описание и указание на сходные знакомые сущности и понятия. Например, сербское *кољиво* можно для русских связать с *кутьей*, но обязательно надо добавить, что оно изготавливается только из пшеничного зерна на славах и похоронах (не может готовиться из риса и на Рождество). Самой частой ошибкой является неспецифицированное объяснение, например: *вид дерева*, *вид музыкального инструмента* и т. д. В случае многократной эквивалентности приходится разделить эквиваленты, а в случае частичной эквивалентности — указать на разницу.

Перейдем теперь к обработке подтипов многократной эквивалентности. Она определяется не только типом лексической эквивалентности, но и параметрами словаря. Ключевые параметры — это:

- а. предназначается словарь только для понимания текстов переводящего языка или и для высказывания,
- б. каков лексический объем словаря,
- в. на каком уровне владения языком находятся пользователи,

г. какова микроструктура словаря,
д. на каком носителе представляется словарь (бумажном, электронном и т. д.).

Если словарь предназначен для высказывания, то следует указать, когда употребляется какой из эквивалентов (так, *judge* ‘судья’ встречается в правовом контексте, а *referee* и *umpire* в спортивном). В русско-английском словаре, предназначенном только для понимания и только для англоговорящих, такие указания необязательны. В словарях меньшего объема и для пользователей на низших уровнях лексикологически многократная эквивалентность может стать полной, поскольку в таких словарях не приводятся редко употребляемые эквиваленты. Микроструктура словаря определяет репертуар средств разграничения эквивалентов (пометы, глоссы и т. д.). Если словарь в мультимедийном формате, тогда используются дополнительные возможности — презентация звука, роликов и т. д.

Можно различать следующие типы словарного представления многократных эквивалентов (для каждого даются примеры из европейских словарей):

а. декомпозиция (указывается параметр различия, в данном случае род)

friend /frend/ N ami(e) (m(f)); [...] copain* (m), copine* (f) [...] [Clari, Black 2000: 782]

б. парадигматизация (добавление соотносимых лексем, в этом случае синонимов)

gallantry [...] N (bravery) valor m, valentía f; (courtesy) galantería f, cortesía f. [Marr et al. 2000: 726]

в. парафраза

abound v.i. 1, (exist in great numbers) имéется в изобилии, 2, [...] (have in great numbers) изобильовать [...] [Katzner 1994: 2]

г. спецификация (пояснение)

abolition N-UNC [...] 1 абoлициja [legal] 2 укидање, укинуће [in general] [Šipka 2013b: 38]

д. экземплификация (добавление примеров употребления)

with [...] PREPOSITION [...] a. avec; come ~ me! viens avec moi! [...] b. [= on one's person] sur; I haven't got any money ~ me je n'ai pas d'argent sur moi [...] c. [= in the house of working with] chez; she was staying with friends elle habitait chez des amis [...] [Clari, Black 2000: 1209–1210]

е. ко-текстуализация (указание на то, с какими словами эквивалент обычно сочетается)

murky ADJ murkier, murkiest [...] 1 мутан, замућен [liquid] 2 мрачан [space] [Šipka 2013b: 678]

ж. контекстуализация (определение сферы употребления)

player [...] N a. (Sport) joueur (m), -euse (f) [...] b. (Music) musicien(ne)[...] [Clari, Black 2000: 991]

з. реконструкция (в данном случае метафорической связи)

pachyderm [...] n debeložna životinja; fig debeložnac (čovjek) [Bujas 2005: 626]

и. употребление отсылок

Arabian1 N ~s [...]→Arab

Arabian2 ADJ [...] арабьански, арапски[...] [Šipka 2013b: 79]

Естественно, что в одной словарной статье можно найти несколько вышеупомянутых способов представления многократной эквивалентности. Так, в следующем примере имеет место парадигматизация, парафраза, ко-текстуализация и экземплификация:

remettre [...] a (= *replacer*) [+ objet] to put back; ~ **un enfant au lit** to put a child back to bed [...] b [+ vêtement, chapeau] to put back on [...] c (= *replacer dans une situation*) ~ **un appareil en marche** to restart a machine [...] d [+ *lettre, paquet*] to deliver; [+ *clés, rançon*] to hand over; [+ *récompense*] to present; [+ *devoir, demission*] to hand in [...] [Clari, Black 2000: 445]

Анализ частотности перечисленных типов словарного представления многократной эквивалентности в ранее упоминавшейся случайной выборке из французско-английского [Marr et al. 2000] и испанско-английского словаря [Clari, Black 2000] дал следующие результаты.

Таблица 3

Типы обработки многократной эквивалентности в словарях

	Французско-английский		Англо-французский		Испанско-английский		Англо-испанский	
Декомпозиция	92	10 %	115	11 %	75	8 %	81	8 %
Парадигматизация	346	38 %	372	35 %	245	26 %	196	20 %
Парафраза	69	8 %	103	10 %	43	5 %	69	7 %
Спецификация	46	5 %	38	4 %	32	3 %	58	6 %
Экземплификация	23	3 %	13	1 %	53	6 %	46	5 %
Ко-текстуализация	277	30 %	321	30 %	203	22 %	289	30 %
Контекстуализация	46	5 %	77	7 %	192	21 %	162	17 %
Реконструкция	23	3 %	13	1 %	85	9 %	58	6 %
Итого	923	100 %	1051	100 %	927	100 %	958	100 %

Таблица показывает, что самыми частыми способами являются парадигматизация и ко-текстуализация.

4. Заключение

Как уже было сказано, существует прямая связь между тремя типами лексического анизоморфизма и их лексикографической обработкой. В случае нулевой эквивалентности исходное слово приходится толковать, при многократной эквивалентности — приводить несколько эквивалентов, а при частичной — указывать на различия. Между подтипами многократной эквивалентности и лексикографической обработкой такой прямой связи нет. Однако можно заметить следующие тенденции:

- экземплификация часто встречается при обработке функциональных слов;
- ко-текстуализация часто встречается при обработке аппликационных расколов;
- контекстуализация часто встречается при обработке коннотативных расколов.

Таким образом, не существует общей формулы лексикографической обработки лексического анизоморфизма. В каждом конкретном случае надо учесть параметры словаря, тип эквивалентности, доступные стратегии словарного описания и возможные ошибки и разработать конкретную стратегию лексикографической презентации. Полный обзор стратегий и типичных ошибок представлен в [Šipka 2015].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Adamska-Salaciak A.* Examining Equivalence // *International Journal of Lexicography*, 2010. Vol. 23. N. 4. P. 387–409.
2. *Irvine J.* Ideologies of honorific language // *Pragmatics*, 1992, 2: 3. P. 251–262.
3. *König E., Volker G.* Understanding English-German Contrasts. Berlin, 2007.
4. *Read D. W.* Formal analysis of kinship terminologies and its relationship to what constitutes kinship // *Anthropological Theory*, 2001. Vol. 1 (2). P. 241–269.
5. *Šipka D.* Lexical Conflict: Theory and Practice. Cambridge, 2015.
6. *Zgusta L.* Manual of Lexicography. Praha, 1971.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Aikhenvald A. Y.* Dicionário tariana — português e português — tariana // *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi, Série Antropologia*, 2001. Vol. 17 (1). P. 3–384.
- Irvine J.* Ideologies of honorific language // *Pragmatics*, 1992, 2:3. P. 251–262.
- Bujas Ž.* Veliki hrvatsko-engleski rječnik. Zagreb, 2005.
- Clari M., Black M.* (ed.). Dictionnaire français-anglais, anglais — français. New York — Paris, 2000.
- Marr V. et al.* Diccionario español-inglés, inglés-español. New York — Barcelona, 2000.
- Sayd M. A.* Dari — English Dictionary. Springfield, VA, 2009.
- Šipka D.* Contemporary Serbian — English Dictionary. Novi Sad, 2013 (a).
- Šipka D.* Contemporary English — Serbian Dictionary, Novi Sad, 2013 (b).

REFERENCES

1. *Adamska-Salaciak A.* Examining Equivalence // *International Journal of Lexicography*, 2010. Vol. 23. N. 4. P. 387–409.
2. *Irvine J.* Ideologies of honorific language // *Pragmatics*, 1992, 2:3. P. 251–262.
3. *König E., Volker G.* Understanding English-German Contrasts. Berlin: ESV, 2007.
4. *Read D. W.* Formal analysis of kinship terminologies and its relationship to what constitutes kinship // *Anthropological Theory*, 2001. Vol. 1 (2). P. 241–269.
5. *Šipka D.* *Lexical Conflict: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
6. *Zgusta L.* *Manual of Lexicography*. Praha: Academia, 1971.

SOURCES OF EXAMPLES

- Aikhenvald A. Y.* Dicionário tariana — português e português — tariana // *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi, Série Antropologia*, 2001. Vol. 17 (1). P. 3–384.
- Bujas Ž.* *Veliki hrvatsko-engleski rječnik*. Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2005.
- Clari M., Black M.* (ed.). *Dictionnaire français-anglais, anglais — français*. New York — Paris: Harper Collins — Robert, 2000.
- Marr V. et al.* *Diccionario español-inglés, inglés-español*. New York — Barcelona: Harper Collins — Grijalbo, 2000.
- Sayd M. A.* *Dari — English Dictionary*. Springfield: Dunwoody Press, 2009.
- Šipka D.* *Contemporary Serbian — English Dictionary*. Novi Sad: Prometej, 2013 (a).
- Šipka D.* *Contemporary English — Serbian Dictionary*, Novi Sad: Prometej, 2013 (b).

Поступила в редакцию 31.05.2023

Принята к публикации 19.12.2023

Отредактирована 24.12.2023

Received 31.05.2023

Accepted 19.12.2023

Revised 24.12.2023

ОБ АВТОРЕ

Данко Шипка — доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков Аризонского государственного университета; danko.sipka@asu.edu

ABOUT THE AUTHOR

Danko Šipka — PhD, professor of Slavic languages, Arizona State University; danko.sipka@asu.edu